

УДК 930.23(41) «1914/1918»:94(437+439)

ДИСКУССИИ О СУДЬБЕ ГАБСБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сахновский А.Е. (Черновцы)

Мета статті полягає в тому, щоб показати, як і під впливом яких обставин неприйнятно для лідерів Британської імперії «національна ідея» була нарешті прийнята і реалізована в політиці стосовно Австро-Угорської імперії. Автор доводить, що причиною цьому був «закон крайностей» (розвинутий К. фон Клаузевіцем), дія якого стала явною в останні два роки Першої світової війни, коли її тотальний характер став очевидним.

Ключові слова: Габсбурзька імперія, британське суспільство, національна ідея, суспільна думка, Перша світова війна.

Обострение противоречий в международных отношениях в начале XX в. сопровождалось разработкой на разных уровнях планов территориально-политического переустройства Европы. Наиболее изучены внешнеполитические проекты и концепции «Срединной Европы» (Mitteleuropa) немецких авторов, прежде всего Ф. Науманна, а также Ф. Ратцеля, Э. Хассе и других. Менее известны австрийские концепции переустройства Центральной Европы, появившиеся, как правило, уже в годы Первой мировой войны [см. 8].

О реакции на эти и подобные им геополитические проекты в странах Антанты имеются лишь краткие сообщения или, наоборот, общие замечания. Из числа последних отметим методологически полезный тезис российского историка Алексея Миллера о «макросистеме континентальных империй», которая в течении длительного времени оставалась внутренне стабильной. Причину этой стабильности автор усматривает в том, что, «несмотря на частые войны между соседними империями, все они придерживались определенных конвенциональных ограничений в своем соперничестве». Хотя речь идет только о континентальных империях (Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов), дальнейшие мысли А. Миллера не менее интересны: «Разрушение этих ограничений началось в Крымскую войну, а окончательный демонтаж системы конвенциональных ограничений в отношениях между континентальными империями занял несколько десятилетий и со всей силой проявился именно в ходе Первой мировой войны». В конечном счете логика подобных рассуждений подводит автора к заманчивой перспективе «заново осмыслить вопрос о том, в какой мере роль могильщика континентальных империй принадлежит национальным движениям, а в какой – самим империям, которые использовали и поддерживали эти движения друг против друга» [7, с.41-42].

Пространное цитирование работы российского коллеги объясняется тем, что его методология в данном случае весьма убедительна, однако, как нам представляется, несколько ограничена, ибо нет никаких серьезных аргументов

применять её только в отношении континентальных империй. Иллюстрацией этого критического замечания должно послужить данное сообщение, посвященное британской концепции «новой Европы» в годы Первой мировой войны. Цель состоит в том, чтобы показать, почему и при каких обстоятельствах неудобная для правителей Британской империи «национальная идея» была в конечном итоге воспринята ими и реализована в политике разрушения империи Габсбургов.

В конце XIX в. в одной из первых обобщающих работ по истории британской внешней политики преподаватель Оксфордского университета Майкл Берроуз сформулировал тезис об особом пути Британии, predetermined ее географическим (островным) положением и наличием огромной заморской империи [9, p.VII]. В силу этого Великобритания находится в Европе, но не является Европой (Great Britain in Europe, but not of Europe). Этот тезис вполне соответствовал представлениям образованных англичан о восточной части европейского континента, включая Габсбургскую империю. Как показал Ларри Вульф, с эпохи Просвещения Восточная Европа представлялась «цивилизованным» западным европейцам как совершенно особая часть Европы, ее внутренний Восток [1]. К началу XX в. подобные представления «за Каналом» (т.е. проливом Ла-Манш) еще более укрепились, соединяя евроскептицизм и ориентализм в единой колониальной идеологии. Она и стала той общей установкой, которая предопределила отношение британских политиков и общественности к народам и государствам Восточной и Юго-Восточной Европы.

Господствовавшая в британском обществе вигская интерпретация истории порождала искреннюю веру, что «все человечество неустанно поднимается вперед и вверх к вершинам английской конституционной свободы» [19, p.XVIII]. По общему признанию считалось, что Австрия выполняет в этом направлении «великую и ответственную миссию» по приобщению к цивилизации якобы отсталых народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Последние могли не

утратить полностью своих оригинальных черт, но степень их самостоятельности не должна подниматься выше «гомруля». Отсюда само собой напрашивались аналогии между Австро-Венгерской и Британской империями в целом и отдельными их частями, например, Хорватией и Ирландией. Лорд Актон полагал, что обе империи «по существу наиболее совершенные государства» [19, p.158].

Господствующие представления о цивилизаторской миссии Габсбургов служили основой распространения в Англии австрофильских взглядов и убеждений, а соответствующая им литература не исчезала вплоть до распада империи. В довоенный период она создавала своеобразный психологический фон для культивирования дружественных отношений с монархией Габсбургов, чему английская дипломатия придавала самое серьезное значение.

Австро-Венгрия связывает, как считали в Форин оффис, Россию, отвлекая ее от азиатских дел. Кроме того, поскольку англо-германские противоречия выдвигались на первый план, дружественные отношения с Веней стали рассматриваться в качестве одного из средств сдерживания активности Германии. Анализируя англо-австрийские отношения в июле 1914 г., В. Готлиб весьма удачно обобщил: «Если бы двуединая монархия не существовала, Уайтхоллу пришлось бы придумать ее в противовес Германии и России» [2, с.286]. При этом английские политики были озабочены не самим фактом союза Германии и Австро-Венгрии – такой союз считался вполне естественным с точки зрения европейского баланса сил, – а все более усиливающимся в начале XX в. германским влиянием в последней. Нейтрализовать это влияние, усилить в определенных пределах дух независимости у венских правящих кругов и, таким образом, косвенно, ослаблять австро-германский блок, создавая в Берлине впечатление неуверенности в своем союзнике – такова была задача английской дипломатии накануне войны.

Существенную поддержку в проведении такого курса оказывали публицисты. Они не только находили аргументы для его оправдания, но и пытались, формируя общественное мнение в определенном направлении, воздействовать на правящую верхушку Габсбургской монархии. Именно на этом поприще начал свою деятельность крупный историк и публицист первой половины XX в. Роберт Уильям Ситон-Уотсон, признанный основоположником британской славистики. Его научное и публицистическое творчество с самого начала было далеко от узкого академизма и может служить примером активного участия ученого в формировании и пропаганде внешнеполитического курса Лондона.

Среди довоенных работ Ситона-Уотсона особое место занимает книга, «Югославянский

вопрос и Габсбургская империя», в которой он выдвинул «обновленную концепцию триализма», т.е. превращение дуалистической империи в триалистическую. Острые критики автор направил против Венгрии, тогда как Австрия представлена как «подлинно прогрессивная держава, полная новой многообещающей жизни», которая якобы сама стала «жертвой корыстной политики, направляемой из Будапешта» [32, p.323-324, 334]. Поэтому далеко не случайно книга посвящена «тому австрийскому государственному деятелю, который осмелится решить югославянский вопрос [32, p.V]». Весьма примечательно, что сожаления по поводу «утраченных надежд» на внутреннее переустройство Дунайской империи высказывались им в сентябре 1915 г.

Аналогичную позицию по отношению к Австро-Венгрии занимал и влиятельный журналист, корреспондент газеты «Таймс» в Вене в течение десяти предвоенных лет Генри Уикэм Сид. Сочетая длительное пребывание в этой стране с хорошим знанием языков и природной наблюдательностью, он детально изучал те ее стороны, которые тщательно скрывались венскими политиками и поэтому часто ускользали из поля зрения официальных представителей Лондона. В появившейся в 1913 г., а затем многократно переизданной книге «Габсбургская монархия» Сид нарисовал живую, остро критическую картину внутренней жизни империи. Меткие оценки императора и его окружения, дуалистической системы, армии, полиции, церкви и суда давали читателю яркое представление об «азиатской», по выражению автора, атмосфере, царящей в стране [34, p.60]. И тем не менее, автора не покидала надежда на будущее: он писал о «кризисах роста» и надеялся, что Габсбургская империя сохранит свое «законное место в Европе», оставаясь надежным барьером германскому «Дранг нах Триест» [34, p.IX, 281].

С началом мировой войны ситуация резко изменилась. Находясь в тесном союзе с Германией, Австро-Венгрия превратилась в военного противника Британии, и хотя обе страны непосредственно не противостояли на фронтах, многонациональная Габсбургская империя стала удобной мишенью для пропаганды.

Принимая в начале августа 1914 г. решение о вступлении в войну, британские политики ставили вполне конкретные цели: ослабить экономического конкурента своей страны, сберечь, а если удастся, то и расширить, колониальную империю, сохранить статус великой державы. Однако такое объяснение не могло никого воодушевить, поэтому правящие круги придавали исключительное значение оправданию позиции своей страны поисками моральных императивов. Война представлялась как борьба Англии за «европейскую цивилизацию», «свободу и демократию», «новую Европу» и т.п. Подобными стерео-

типами пестрели газеты и журналы. Читателям внушали, что война превращается в «крестовый поход» за высокие моральные идеалы, и тем самым, как удачно выразился Артур Марвик, «закладывалась тяжелая моральная ипотека на будущее» [22, p.48].

Среди обширного арсенала пропагандистских стереотипов особое место занял т.н. «национальный принцип», взятый на вооружение политиками с первых дней войны. Растиражированный в заявлениях политиков (Г. Асквита, Э. Грея и других) и в печати в различных вариантах, он вскоре стал общепринятым лозунгом. Это со всей очевидностью зафиксировал в начале 1915 г. российский посол в Лондоне граф Бенкендорф. «Национальный принцип», – сообщал он министру иностранных дел С. Сазонову, – пустил здесь столь глубокие корни, что почти признается в настоящее время причиной для вступления Англии в войну. Таково впечатление всех общественных кругов, правительство полностью к нему присоединилось...» [6, № 401].

Вполне понятно, что пропаганда на основе «реализации национального принципа» была направлена главным образом именно против Габсбургской монархии, которой, если судить по материалам английской прессы и публицистики, не будет места в будущей «новой Европе». На самом же деле пропагандистское наступление на Австро-Венгрию предпринималось с иной целью: внутренне ослабить ее и использовать национальные противоречия в свою пользу. Уже осенью 1914 г. «Таймс» писала о том, насколько важно иметь союзников в самом тылу империи, предполагала возможность союза между Антантой и угнетенными национальностями [36]. Не менее оживленно обсуждались вопросы интернирования чехов, сербов, хорватов и других эмигрантов. В это время возник даже трудно переводимый термин для обозначения тех из них, которые готовы были служить делу Антанты (*friendly enemy aliens*). Однако дальше этой корыстной практики использования «национального принципа» ответственные британские политики не шли, и первые попытки влиятельных лидеров славянской эмиграции в Лондоне (чеха Томаша Масарика, хорвата Франьо Супила) заинтересовать их идеей «*Austria delenda*» закончились неудачей. Не имело успеха и первое обращение Р. Ситон-Уотсона в Форин оффис 1 октября 1914 г. с предложением «перевести принцип национальности из области абстракций в область конкретных политических решений» [10, p.26]. Ему дали понять, что в подобных советах нет нужды. Однако высоко были оценены его, а также Стида, связи с эмигрантами из Австро-Венгрии и посредничество между ними и британскими властями. Военное ведомство официально поручило наладить службу информации о внутреннем положении центральных держав.

Здесь то и понадобились старые связи Стида и Ситон-Уотсона с лидерами угнетенных Габсбургами национальностей. «Мы получали всю секретную информацию об Австро-Венгрии от Масарика, членов Югославянского комитета и других эмигрантов», – вспоминал позднее Сид [33, p.129].

В деятельности на этом поприще признанных австрофобов имелись и некоторые неудобства для британских политиков и дипломатов, поскольку последние часто оказывались менее компетентными в весьма сложной восточно-европейской ситуации, чем упомянутые выше представители общественности. Тот же Сид приводит в своих воспоминаниях примеры паразитического в некоторых случаях невежества британских политиков в области географии и населения Восточной и Юго-Восточной Европы [33, p.154-156]. Различия в компетентности и в понимании применимости «национального принципа» к конкретному случаю со всей очевидностью выявились в первые месяцы 1915 г., когда антановские политики вели длительные и сложные переговоры об условиях вступления Италии в войну. Хотя переговоры и подписание Лондонского договора (апрель 1915 г.) происходили тайно, лидеры антигабсбургского общественного мнения были достаточно информированы и настойчивы в своем стремлении заявить о своем несогласии с предполагаемыми условиями сделки за счет югославянских земель. О степени их влияния говорит тот факт, что в Форин оффис посчитали нужным разъяснить сложившуюся ситуацию лично Ситон-Уотсону, в то время как в Париже Сид выслушал объяснения министра иностранных дел Делькассе [15, p.30].

Новый толчок дискуссиям о переустройстве Восточной Европы дало поражение Сербии осенью 1915 г. Многим английским политикам и публицистам казалось, что Германия, стоявшая за спиной Австро-Венгрии и Болгарии, оккупировавших Сербию, непосредственно угрожает британским колониальным владениям на Востоке. Британская пресса непомерно раздувала германские планы, используя часто для этой цели выражения, почерпнутые из книг и статей Ф. Науманна, П. Рорбаха, Б. Функа и других немецких авторов. Известная книга Науманна «Срединная Европа» была не просто внимательно прочитана, но очень скоро переведена на английский язык и стала своего рода литературной сенсацией. Дискуссия вокруг этой книги породила, как выразился А.Дж. Мей, «телегу страхов» [23, т.2, p.512]. В политический лексикон для обозначения германских геополитических планов вошли термины «Берлин-Багдад», «*Mitteleafrika*» и другие.

Отражая опасения колониальных кругов, пресса убеждала публику, что центр Британской империи – не Лондон, а Каир; что конечная цель

Германи – завоювати Середній Восток, затем Індію, і, таким образом, остаточно підірвати могутність Британії на Восток. Вряд ли Германия имела в это время реальные возможности для выполнения своих действительно далеко идущих планов, но, тем не менее, их провозглашение использовалось для укрепления т.н. «оборонительных рубежей» Британской империи. Англия, например, оккупировала южные провинции Ирана, поставила Египет под свой протекторат, вела наступление на германские колонии в Африке. Укрепление подступов к британским владениям становилось – в значительной мере под влиянием пропаганды – насущной задачей. Давление колониальных кругов сказывалось и на правительственном уровне, в особенности с конца 1916 г., когда новое правительство сформировал Дэвид Ллойд Джордж. Все вопросы ведения войны решались узким Военным кабинетом, в который вошли видные колониальные деятели А. Милнер и Дж. Керзон. В целом курс нового правительства приобрел отчетливо «имперский» крен.

Политики, заинтересованные в укреплении подступов к границам Британской империи, вполне естественно обращали внимание на Балканы и Восточную Европу. Именно отсюда и вытекает интерес политических и литературных представителей британского общества к Австро-Венгрии в целом и их деление на австрофилов – сторонников сохранения империи Габсбургов, и австрофобов, пропагандирующих идею ее развала на основе практического осуществления «принципа национальности».

Особой остроты дискуссия об Австро-Венгрии достигла в конце 1916 г. в связи с основанием Сербского общества Великобритании, поставившего цель «содействовать созданию югославского государства как барьера на пути германского продвижения на Восток». Югославянское движение впервые получило открытую поддержку не только публицистов, но и известных колониальных деятелей типа лорда Кромера, лидера ольстерских унионистов Э. Карсона, лорда Керзона и других.

Почти одновременно с образованием Сербского общества Великобритании группа публицистов основала еженедельник «The New Europe» с целью «сформировать общественное мнение по вопросам будущего территориального устройства Европы», а также «обеспечить общую платформу для всех тех, кто видит в реконструкции Европы на основе принципа национальности и прав национальных меньшинств... единственную гарантию против повторения ужасов настоящей войны». Под «Европой» редакция еженедельника подразумевала в основном Центральную и Юго-Восточную Европу, т.е. территорию, контролируемую странами центрального блока. Эмансипация угнетенных народов этого

региона от германско-магьярского контроля прямо противопоставляется пангерманским проектам «Срединной Европы» и «Берлин-Багдад» [25, 1916, 19.10]. Более подробная схема «реконструкции Европы» представлена в № 4. В анонимной статье определены «позитивные условия мира» с британской точки зрения, причем интересы правящих кругов весьма искусно прикрыты «освободительной» фразеологией и требованиями решения национального вопроса в Европе. Автор статьи называет 8 вопросов, требующих незамедлительного решения – датский, французский (Эльзас и Лотарингия), польский, украинский, богемский (чешский), румынский, итальянский и югославский, но «забывает» с большой выгодой для английских политиков, об ирландском вопросе [26, 1916, 9.11].

Появившийся в октябре 1916 г. еженедельник претендовал на роль межсоюзнического центра для всех тех, кто стоял за переустройство Европы на основе «национального принципа». Однако на деле привлечь к сотрудничеству удалось только некоторых французских публицистов – А. Шерадама, Е. Дениса и др. Выражая «российскую точку зрения», член Государственной думы В. Ковалевский, едва сославшись на «принцип национальности», поинтересовался прежде всего тем, «что Россия получит в компенсацию за жертвы и страдания за общее дело» [27, 1916, 2.11]. Такая откровенность не устраивала редакцию, и в дальнейшем статьи о России писали анонимно корреспонденты английских газет Г. Вильямс и Б. Пейрс.

Активно сотрудничали в еженедельнике некоторые представители славянской эмиграции из Австро-Венгрии, например, член Югославянского комитета Х. Хинкович, глава чешской эмиграции Т. Масарик, сочетавший в своих статьях критику пангерманизма с выпадами против марксистского учения, и другие.

В целом же попытка создать форум европейского общественного мнения не удалась, и еженедельник стал прибежищем британских австрофобов – сторонников развала Австро-Венгрии, которые печатались чаще всего без подписи или подписывались псевдонимами – «Рубикон» (Р. Ситон-Уотсон), «Рюрик» (Р. Липер), и др. Кроме упоминаемых выше, активными сотрудниками были также А. Тойнби, лорд Ю. Перси, известный археолог А. Эванс и другие. Всех их, независимо от политических взглядов и побуждений, объединяло стремление убедить британских политиков и общественность в необходимости «неограниченного» использования лозунга «освобождения народов Австро-Венгрии» для достижения победы. Многие авторы, и прежде всего сам редактор-издатель, выступили в качестве пропагандистов гибкой политики в Центральной и Юго-Восточной Европе, в роли теоретиков, пытающихся вооружить своих

соотечесвенников из правящей элиты аргументами и концепциями в пользу нового, как они считали, международного порядка в этом регионе. «Мы не просто призываем к разрушению Габсбургской империи, – подчеркивал один из анонимных авторов, – а стремимся разработать основы контрплана германской схеме «Миттель-европы» [26, 1916, 9.11].

Сложившаяся к началу 1917 г. ситуация на международной арене внушала чувство оптимизма у сторонников «новой Европы». Стремясь вовлечь США в войну и не поступиться ничем в «идеологическом» отношении, союзники приняли мощное пропагандистское наступление. В ноту стран Антанты от 10 января 1917 г., провозглашенную в ответ на обращение президента Вильсона к воюющим странам, была включена фраза об «освобождении итальянцев, а также славян, румын и чехословаков от иностранного владычества [29, № 60, р.37]». Ее противоречивость и неопределенность позволяла легко провести различие между политикой и пропагандой. Так слово «освобождение» (liberation) можно трактовать и как автономию, и как независимость. Заместитель А. Бальфура, ставшего с декабря 1916 г. министром иностранных дел, лорд Р. Сесиль особо подчеркнул позже в палате общин, что правительство не давало обещания какой-либо конкретной формы освобождения [11, т. 96, 1202].

В то же время пропагандистские службы, объединенные в начале 1917 г. по инициативе Ллойд Джорджа в Департамент информации, интерпретировали часто текст ноты таким образом, что «освобождение» понималось как независимость. Ситон-Уотсон, зачисленный в один из отделов указанного Департамента, писал в издаваемом им еженедельнике о «поворотном моменте в ходе войны» и сообщал читателям, что союзники решили развалить Дунайскую империю [28, 1917, 18.01].

Антигабсбургская пропаганда не осталась незамеченной в Великобритании и за ее пределами. Новое и необычное, как казалось, направление еженедельника вызвало резкие нападки противников «новой Европы». В 1916-1917 гг. пресса широко обсуждала возможности отрыва Австро-Венгрии от Германии, а не развал первой. Об этом в различных вариантах писали «Манчестер гардиан», «Нейшн», «Дейли ньюс» и др. Известный либеральный журнал «Контемпорари ревью» подвел своеобразный итог словами Г. Брэйлсфорда: «Реорганизованная на федеральной основе Австро-Венгрия будет идеальным барьером против германской экспансии» [12, 1917, т.112]. Эта фраза отражала взгляды австрофилов в целом и, в частности, пацифистов из «Союза демократического контроля» – пропагандистского общества, которое с осени 1914 г. вело антивоенную пропаганду. Оставаясь на по-

зициях либерального пацифизма, деятели СДК – Э. Морель, А. Понсонби, Б. Рассел, упомянутый выше Брэйлсфорд и другие – полагали, что распад Австро-Венгрии продлит войну [35, с.136-138].

Аналогичными соображениями руководствовались и британские радикалы, группировавшиеся вокруг еженедельника «Нейшн», ставшего своего рода дискуссионным клубом прогрессивно настроенной интеллигенции. Позицию «Нейшн» в значительной мере определял его редактор – Генри Мэссингем, организатор знаменитых «лэнчей» в редакции еженедельника. Сторонников «новой Европы» здесь зачисляли в разряд never-endians (тех, кто не желает закончить войну) и вели против них борьбу, принимавшую иногда весьма острый характер. В данном случае откровенность радикалов и пацифистов проявлялась в том, что они прямо указывали на лицемерие своих оппонентов, опасно манипулирующих лозунгом «свободы малых наций». «Если Австро-Венгерская империя заслуживает «ножа», – писал «Нейшн», – то можно себе представить, что есть и другая империя, также достойная его. Если «нож» будет применен по отношению к нам, то возможно освободится Ирландия...». Дальше этих угроз автор не двинулся, поскольку сам отрицал необходимость «грубого хирургического вмешательства» в дела великих империй [цит. по: 16 с.206]. Аналогичные предупреждения звучали и с парламентской трибуны. «Если мы требуем независимости для наций Австро-Венгрии, – заявлял Чарльз Тревельян, – то нет никаких вразумительных аргументов против независимости Ирландии или Финляндии, так же, как Чехословакии и Югославии» [37, т.90, col.1190].

Опасной для английских правящих кругов аналогией не преминули воспользоваться ирландцы – 84 члена палаты общин, представляющие в парламенте Ирландскую националистическую партию. 26 февраля 1917 г. ирландский националист Скэнлен вопрос об арестах в Ирландии начал со слов: «Мы много слышали о сражении за свободу малых наций. Есть одна нация, которую следует немедленно освободить – это ирландцы» [31, т.90, с.1787]. В дальнейшем этим аргументом неоднократно пользовались ирландские парламентарии. Они восприняли упомянутый выше пункт союзнической ноты об «освобождении малых народов» по правилам логичной импlications: если заслуживают освобождения «славяне, чехословаки и другие...», то на это же рассчитывают и ирландцы – одна из древнейших «малых наций» Европы.

Между тем в 1917 г. инициативу в идеологическом противостоянии по поводу «свободы малых наций» постепенно перехватили российские большевики, которые даже не скрывали своего стремления «обойти» буржуазных поли-

тиков. Одним из эффективных средств такого наступления стало «этническое оружие», а именно: внедрение в практику международных отношений «права наций на самоопределение» как универсального принципа. В обращении к народам и правительствам Антанты и США в конце декабря 1917 г. Народный комиссариат по иностранным делам ставил далеко не простой для имперских политиков вопрос: «Требуют ли они вместе с нами предоставления права на самоопределение народам Эльзас-Лотарингии, Галиции, Познани, Богемии, югославянских областей. Если так, то согласны ли они, в свою очередь, предоставить право на самоопределение народам Ирландии, Египта, Мадагаскара, Индокитая» [3, с.68-69].

Острота реакции на «этническое оружие» большевиков будет более понятной, если учесть такой парадокс: почву для восприятия идеи «национального самоопределения» в значительной степени подготовила именно британская пропаганда, которая в предыдущие годы широко оперировала призывами «свободы малых наций», «воплощения национального принципа» и т.д. В заявлении своих военных целей 10 января 1917 г. союзники подошли к пределу в использовании «национально-освободительной» идеологии против противника. Но российские большевики пошли еще дальше, причем введенный ими в политический лексикон термин «самоопределение», хотя и нарушал все «правила игры», но воспринимался как логическое завершение тех «блестящих неопределенностей», которыми официальная пропаганда раньше оперировала относительно «небританского мира».

Идеологический призыв большевиков совпал со сдвигом в процессе национального пробуждения в Ирландии от либеральных националистов-гомрулеров к радикальной партии Шин фейн. Ее лидеры, как отмечал Чарльз Дафф, «не упустили случая усвоить, что «самоопределение»... как раз и есть той основополагающей политической идеей, которая лежит в основе всего шинфейнеровского движения с 1905 года» [13, р.288]. С другой стороны, утрата влияния в массах заставляла ирландских парламентариев действовать более решительно, не ограничиваясь выступлениями в палате общин. В декабре 1917 г. несколько членов Ирландской парламентской партии (далее – ИПП) приступили к «ремонтации». Они составили письмо лидеру партии Джону Редмонду с предложением прибегнуть к крайним мерам: объединить всех ирландских националистов и от их имени обратиться к США, России и Франции, указав на устроенный британскими политиками спектакль, когда они всюду обещают свободу «малым нациям» и одновременно упрямо отрицают ее относительно ирландцев» [21, р.422].

В такой напряженной ситуации британское правительство решило выступить с особенным Заявлением о военных целях. Уже на стадии подготовки и согласования документа возник сложный вопрос: как возможно признать принцип «самоопределения народов», одновременно не распространяя его действие на «британский мир» и, в частности, – на ирландцев. В дальнейшем дискуссия по этому поводу обострилась в связи с категоричной позицией главы правительства. Открывая 3 января 1918 г. расширенное заседание Военного кабинета, Ллойд Джордж предупредил: «Заявление необходимо сформулировать согласно с демократическими принципами, провозглашенными большевиками и принятыми, до некоторой степени противником» [24, р.600].

На следующий день рассмотрение текста продолжалось, причем в кулуарах не менее интенсивно, чем в кабинете. Интересные записи оставил по этому поводу Морис Хэнки, занимавший пост главы секретариата Военного кабинета. Ознакомившись с заключительным вариантом Р. Сесилия, он лично пришел в Форин оффис для протеста по поводу некоторых пунктов. «Я убеждал его, – писал позднее М. Хэнки, – изъять фразу о нашей приверженности принципу национального самоопределения, указав, сколько хлопот принесет все это Британской империи» [20, р.237]. А в опубликованных С. Роскиллом дневниках М. Хэнки есть более детальная запись этого разговора. «Я предупредил, – как бы продолжает мысль автор дневника, – что, следуя такой логике, мы неминуемо придем к самоопределению Гибралтара к Испании, передачи Мальты – мальтийцам, Кипра – грекам, Египта – египтянам, Адена – арабам или сомалийцам, к хаосу в Индии... и т.д. Что же останется от Британской империи?» [30, р.478-479]. Самоопределение ирландцев в пользу независимой Ирландии оба говорящих включили в «и т.д.» как факт, как бы сказать, самоочевидный. Дневниковая запись М. Хэнки заканчивается кратким резюме о согласии Р. Сесилия удалить злополучную фразу.

Но на очередном заседании Военного кабинета перевесила другая мысль: не удалять «самоопределение», а найти возможность приспособить его к британским интересам. Поэтому дискуссия продолжалась. Под влиянием критических замечаний сначала ограничились Европой. Тот же Р. Сесиль предлагал «применить принцип самоопределения только к европейским нациям (подч. нами – А.С.) [38, р.43]». Но на этот раз критики оказались бдительными и напомнили, что ирландцы, между прочим, тоже по всем признакам европейцы. Далее в протоколе заседания кабинета за 4 января записано: «Согласно с выраженными пожеланиями формулу самоопределения заменить таким образом, чтобы

приспособить ее не ко всем нациям, а только к Новой Европе» (подч. нами – А.С.) [24, p.606].

Официально дискуссия на этом завершилась. Однако далеко не все восприняли выражение «новая Европа» как наиболее целесообразное. В связи с этим нелишне будет напомнить, что британские поборники «новой Европы» ратовали за воплощение национального принципа не на европейском континенте, а только в отдельно взятом его регионе. Для них будущая «новая Европа» преимущественно ограничивалась границами Австро-Венгерской империи и, до некоторой степени, Балканского полуострова [детальнее см.: 10]. Что же касается ирландцев, то ни политики, ни те, кто горячо поддерживал «национальный принцип», никак не причисляли их к числу «угнетенных малых наций». Сами же ирландцы не пропускали любой возможности напомнить о себе как о самой древней европейской нации, которая ожидает такого же к себе отношения, как и к другим «малым нациям». Такую позицию отстаивали практически все ирландские партии и движения – от ИПП до Ирландского республиканского братства.

Очевидно подобного рода размышления заставили Ллойд Джорджа в последний момент отказаться от термина «новая Европа» и вернуться к предложению, которое еще в начале дискуссии выдвигал министр колоний У. Лонг, а именно: «ограничить применение принципа самоопределения территориями, которые втянуты в военные операции воюющих стран» [24, p.604]. В окончательном варианте «самоопределение» в Европе ограничилось просто «оккупированными территориями».

Итак, в процессе длительного обсуждения британская политическая мысль постепенно двигалась от «национального самоопределения» как универсального принципа в направлении его ограничения к собственно британским имперским интересам: сначала предлагалось признать «самоопределение» в целом, потом – относительно «европейских наций», далее – «новой Европы», и наконец ограничились «оккупированными европейскими территориями» [24, p.604, 606].

Но и ограничениями дело не закончилось. В опубликованном тексте Речи о военных целях, с которой глава правительства выступил перед делегатами британского Конгресса тред-юнионов 5 января 1918 г. (парламент в это время не работал в связи с отпусками депутатов), «самоопределение» было признано законным правом для бывших немецких колоний, большую часть которых захватила Британия. Более того, политическая ловкость Ллойд Джорджа сделала возможным объединение обоих регионов в одной фразе, которая будет упомянута немного ниже. Контекстом для ее понимания служит довольно пространное размышление о «туземцах

бывших немецких колоний», интересы и пожелания которых, как указано в речи, могут высказать вожди племен или туземные органы правления. Далее следует предложение, точный перевод которого принципиально важен, тем более, что российский вариант перевода грешит существенной неточностью, которую, до этого времени никто, кажется, так и не заметил. Подаем сначала перевод русским языком: «Основной принцип самоопределения наций применим к ним (то есть туземцам – А.С.) так же, как и относительно европейских народов (подч. нами – А.С.)» [5, с.61]. По логике такого перевода право на «самоопределение» следует признавать и за ирландцами, потому что они тоже являются народом европейским. Те, кто составлял и формулировал текст речи премьера, все это хорошо знали. К тому же сами ирландцы постоянно напоминали им и всем остальным британским политикам о необходимости «привести в порядок собственный дом, прежде чем говорить о свободе малых наций». Не случайно в оригинале текста подана заранее хорошо откорректированная фраза такого содержания: «Поэтому основной принцип национального самоопределения примененный к ним (туземцам – А.С.) так же, как и относительно оккупированных европейских территорий. (the general principle of national self-determination is therefore applicable in their cases as in those of occupied European territories) (подч. нами – А.С.)» [18, p.1515; 29, p.231-232]. Вот так в конечном счете были определены пределы «самоопределения по-британски».

В целом, анализ британских военных целей под углом зрения интересующей нас темы выявляет интересный политический парадокс. Превью всего удивительным кажется сам факт втянутости правителей Великой Британии в конкурентную борьбу за «свободу и права малых наций» при наличии «проклятого», как его называли, ирландского вопроса. Непонятными остаются и мотивы правительства Ллойд Джорджа, которое демонстративно активизировало эту «борьбу» через несколько месяцев после расправы над участниками Дублинского восстания 1916 г. Не послужили предостережением и острые дебаты в парламенте в связи с Нотой союзников от 10 января 1917 г. Более того, в начале 1918 г. тот же Ллойд Джордж «не просто от имени Правительства, а от всей нации и Империи в целом» [18, p.1510] заявил (правда, в весьма своеобразной форме) о поддержке идеи «национального самоопределения». Если учитывать постоянно возрастающие хлопоты британского правительства по ирландскому вопросу, кажется, что в его заявлениях нет не только логики, но и здравого смысла. И даже тот факт, что в соответствующих текстах упомянутых заявлений нет слова «ирландцы», ничего не меняет.

Для объяснения описанного выше политического парадокса полезно обратиться к теоретическому наследию Карла фон Клаузевица. Детально обосновывая «чистую логику войны», известный теоретик особенно обращал внимание на стремлении воюющих сторон к крайностям: «Война – это акт насилия, проявление которого не имеет пределов... Употребление физического насилия никак не исключает участия разума; тот кто это насилие употребляет без колебаний и жалости, имеет большое преимущество над противником, если последний не будет действовать так же. Таким образом, можна диктовать противнику законы, причем каждый подталкивает другого к еще большим крайностям, пределы которых диктуются только противодействием со стороны врага» [4, с.24]. Если экстраполировать этот вывод Клаузевица на идеологию – все станет на свои места. В тотальной войне в идеологической сфере, так же, как и в чисто военной (усовершенствование техники, вооружения, стратегии и тактики ведения боя и т.д.), реализуется «закон крайностей», хотя и специфично. Своеобразие состоит в том, что «стремлением к крайностям» охвачены в данном случае не только воюющие стороны; линия противостояния проходит и между союзниками, создавая ситуацию «взаимной втянутости» в войну слов, громких фраз, лозунгов и т.д. Яркий пример – претензии на моральное лидерство президента США Вудро Вильсона и лидера большевиков В.И. Ленина.

Тотальная война поставила проблему «малых наций» в самый центр идеологического противостояния, причем радикализация идеи «национального освобождения» (от абстрактного «национального принципа» к конкретному «праву на самоопределение») – это не результат каких-либо непродуманных решений, а проявление динамики тотальной войны, суть которой состоит в том, что сегодняшний радикализм неминуемо становится умеренностью дня завтрашнего. Вот почему британские политики (и правители Империи), имея в собственном тылу острый ирландский вопрос, все же вынуждены были подчиниться «закону крайностей». Радикализируя военные цели, они, волей-неволей, провозгласили себя сторонниками прав и свобод «малых наций» вплоть до их «права на самоопределение».

Однако, невольно подчиняясь «закону крайностей», они всегда помнили о собственной «ахиллесовой пяте». И действительно, летом-осенью 1918 г. любая попытка или даже напоми-

вание о «малых нациях» Восточной Европы неизменно вызвала острую реакцию ирландцев, включая бывших сторонников гомруля. Окончательно разочарованные в способности британских политиков конституционно решить ирландский вопрос, они должны были признать свое дело проигранным и недвусмысленно высказались, наконец, за независимость Ирландии. Когда Ллойд Джордж 5 ноября зачитал в палате общин «Заявление о перемирии с Австро-Венгрией» и от себя добавил несколько фраз о поддержке «малых наций» [17, col.1961] гнев ирландцев не знал предела. Снова разгорелись острые дебаты, которые логично завершил Джон Диллон. От имени всей партии он подвел окончательный итог: «Ситуация изменилась, изменилась именно в ходе войны. И ничто меня так не удивляет, как то, что наши министры говорят как всегда, как будто не было войны и как будто никаких изменений не произошло в Европе, где новые государства создают во всех концах народы, которых в этой стране никто даже и не знал – чехословаки, югославы, поляки... Так почему же ирландцы, как самая старая нация Европы, не имеет на это право? Хватит с нас обещаний. Ми требуем независимости! Полных национальных прав!» [14, col.2058].

Итак, исследование британской концепции «новой Европы» в годы Первой мировой войны позволяет вернуться к методологически сильному тезису Алексея Миллера об «имперской макросистеме» с двумя существенными уточнениями. Во-первых, неправомерно ограничивать макросистему только континентальными империями. Владея разными по типу империями, их правители, как британские, так и австрийские, имели все основания придерживаться в своем, по большей части косвенном, соперничестве конвенциональных ограничений. Не менее важно подтвердить решающую роль Первой мировой войны, войны мирового масштаба, в окончательном снятии всяких ограничений. Таким образом, сформулированный К. фон Клаузевицем «закон крайностей» распространяется также на сферу идеологии и пропаганды. Курс на «уничтожение» Габсбургской империи был взят британскими политиками, постоянно чувствующими свою «ахиллесову пяту» в Ирландии, не потому что они так хотели, а несмотря на это. Их вынудил к этому «закон крайностей», особо проявившийся в последние два года войны, когда ее тотальный характер стал очевидным.

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. / Л. Вульф. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 457 р.
2. Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны / Пер. с англ. / В. Готлиб. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 603 с.
3. Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 771 с.

4. Клаузевиц Карл фон. О войне: В 2 т. / Карл фон Клаузевиц. – М.: ООО Изд-во АСТ, 2002. – Т. 1. – 558 с.
5. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: В 6 т. / Пер. с англ. / Д. Ллойд Джордж. – М.: Соцэкгиз, 1937. – Т. V. – 366 с.
6. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. – Серия 3: 1914-1917 гг. – Т. X. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 648 с.
7. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
8. Троян С. Австрійські концепції Міттельєвропи періоду Першої світової війни / С. Троян // Перша світова війна та проблеми державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни: матеріали міжн. наук. конф. (Чернівці, 29-30 жовтня 2008 р.)). – Чернівці: ЧНУ, 2009. – С. 108-115.
9. Burrows M. The history of the foreign policy of Great Britain / M. Burrows. – Edinburgh: W. Blackwood and sons Ltd., 1895. – 435 p.
10. Calder K.J. Britain and the Origins of the New Europe, 1914 – 1918 / K.J. Calder. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 286 p.
11. R. Cecil's speech, 24 Jul. 1917 // Parl. Deb. House of Commons. – 5-th Ser. – Vol. 96. – Col. 1202.
12. Contemporary Review. – 1917. – vol. 112. – p. 135.
13. Duff Ch. Six days to shake an Empire / Ch. Duff. – New-York.: A.S. Barnes, 1966. – X, 310 p.
14. J. Dillon's speech, 5 Oct. 1918 // Parl. Deb. House of Commons. – 5-th Ser. – Vol. 110. – Col. 2058.
15. Fest W. Peace or partition? The Habsburg Monarchy and British policy 1914-1918 / W. Fest. – L.: George Prior, 1978. – XIV, 276 p.
16. Hanak H. Government, Foreign Office and Austria-Hungary, 1914-1918 / H. Hanak // The Slavonic and East European Review, 1969. – Vol. 47, № 108. – p. 161-197.
17. D. Lloyd George's speech, 5 Oct. 1918 // Parl. Deb. House of Commons. – 5-th Ser. – Vol. 110. – Col. 1961.
18. Lloyd George D. War memories: In VI vols / D. Lloyd George. – L.: Odhams, 1938. – Vol. II. – p. XXIV, 1069 – 2108.
19. Lord Acton. Essays in the liberal interpretation of History / Lord Acton. – Chicago: University of Chicago Press, 1967. – XXI, 427 p.
20. Lord Hankey. The Supreme Command, 1914 – 1918: In 2 vols / Lord Hankey. – L.: George Allen and Unwin, 1961. – Vol. II. – 436 p.
21. Lyons F.S. John Dillon. A biography / F.S. Lyons. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1968. – XI, 516 p.
22. Marwick A. The Deluge. British society and the First World War / A. Marwick. – L.: The Bodley Head, 1965. – 336 p.
23. May A.J. The Passing of the Habsburg Monarchy 1914-1918. In 2 vols / A.J. May. – Vol. 2. – Philadelphia: Pennsylvania University Press, 1966. – 657 p.
24. The Mirage of Power. British foreign policy 1902 – 1922: In 3 vols. / Ed. by C.J. Lowe and M. Dockill. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1972. – Vol. 3. The Documents. – XVII, 423-759 p.
25. The New Europe. – 1916. – 19.X.
26. The New Europe. – 1916. – 9.XI.
27. The New Europe. – 1916. – 2.XI.
28. The New Europe. – 1917. – 18.I.
29. Official statements of War Aims and Peace proposals. Dec. 1916 – Nov. 1918 / Ed. by J.B. Scott. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1921. – XIII, 515 p.
30. Roskill St. Hankey: man of secrets: In 3 vols / St. Roskill. – N.Y.: St. Martin's Press, 1970. – Vol. 1. 1877 – 1918. – 672 p.
31. S. Skenlen's speech, 26 Feb. 1917 // Parl. Deb. House of Commons. – 5-th Ser. – Vol. 90. – Col. 1787.
32. Seton-Watson R.W. The Southern Slav Question and Habsburg monarchy / R.W. Seton-Watson. – New York: Howard Fertig, 1969. – XII, 463 p.
33. Steed H.W. Through Thirty Years, 1892-1922. A personal narrative: In 2 vols / H.W. Steed. – Vol. 2. – L.: Doubleday, Page & company, 1924. – VII, 288 p.
34. Steed H.W. The Habsburg Monarchy / H.W. Steed. – L.: Constable and company Ltd., 1913. – XXXII, 304 p.
35. Swartz M. Union of Democratic Control in British politics during the First World War / M. Swartz. – Oxford: Clarendon Press, 1971. – XIV, 267 p.
36. The Times. – 1914. – 29.X.; 1914. – 9.XI.
37. Ch. Travelyan's speech, 20 Feb. 1917 // Parl. Deb. House of Commons. – 5-th Ser. – Vol. 90. – Col. 1190.
38. War Cabinet. Cabinet Office subject index of War Cabinet Minutes. 1916 Dec. – 1918 Mar. – Vol. 40 (Jan. 1 to March 30, 1918). – L., 1969. – 189 p.

РЕЗЮМЕ

ДИСКУССИИ О СУДЬБЕ ГАБСБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сахновский А.Е. (Черновцы)

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, как и под влиянием каких обстоятельств неприемлемая для лидеров Британской империи “национальная идея” была наконец принята и реализована в политике относительно Австро-Венгерской империи. Автор доказывает, что причиной этому был “закон крайностей” (развитый К. фон Клаузевицем), действие которого стало явным в последние два года Первой мировой войны, когда ее тотальный характер стал очевидным.

Ключевые слова: Габсбургская империя, британское общество, национальная идея, общественная мысль, Первая мировая война.

SUMMARY

HABSBURG'S EMPIRE DESTINY IN THE BRITISH SOCIETY DURING THE YEARS OF WORLD WAR I (1914-1918)

A.Sakhnovski (Chernovtsy)

The purpose of the article is to show how and under which circumstances an unacceptable for British empire leaders “national idea” was finally accepted and realized within the policy of Austro-Hungarian empire. It has been proved that the strong reason for this was “the law of extremities” (developed by K. von Klauzevits), which had been demonstrated over the last two years of the War, when its totality became obvious.

Key words: Habsburg Empire, the British society, the national idea, public opinion, the First World War.